

УСАДЕБНЫЙ ТОПОС В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

GONG ZEHUI
ESTATE TOPOS IN IVAN BUNIN'S PROSE

Гун Цзэхуэй

аспирант

► zehuigong@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
Российская Федерация, 620002,
Екатеринбург, ул. Мира, 19

Gong Zehui

Postgraduate Student

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin,
19, ul. Mira, Yekaterinburg,
620002, Russian Federation

Статья посвящена анализу усадебного топоса и образа усадьбы в прозе И. А. Бунина. Актуальность исследования заключается в том, что понятие «усадебный топос» недостаточно разработано в китайской гуманитарной науке: рассматривается лишь несколько работ китайских литературоведов. Труды русских ученых в большей степени сосредоточены на поэзии Бунина. С опорой на теорию усадебного топоса автор статьи показывает, что образ усадьбы в прозе писателя становится ключевым. В исследовании динамики этого образа выделяются три этапа его формирования и функционирования. С 1890 по 1900 г. образ складывается, ярко обозначается локус сада (рассказ «Танька»). В 1900–1919 гг. углубляется трактовка, от поэтизации усадебной жизни в «Антоновских яблоках» автор переходит к глубоким размышлениям о причинах угасания дворянских гнезд в «Суходоле». В 1920–1940 гг. образ усадьбы выстраивается в органичном соотношении с темой дома, утраченного дома, родного гнезда. Этот период представлен повестью «Митина любовь», романом «Жизнь Арсеньева», сборником «Темные аллеи». Роман «Жизнь Арсеньева» является своего рода кульминацией в раскрытии усадебной темы. Образ усадьбы здесь связан с характером воспоминаний героя, он меняется вместе со сменой его душевных переживаний в разные периоды жизни, от детства к отрочеству, а затем и к юности. В 1920–1940-е годы содержание и тональность усадебного топоса существенно корректируются. Усадьба трактуется как абсолютная ценность, запечатленная и сохраненная благодаря памяти в пространстве культуры. Образ усадьбы в творчестве Бунина обретает смысловую объемность и яркую оригинальность, связанную в том числе с историософским и духовным осмыслением этого феномена в русской культуре.

Ключевые слова: Бунин, усадебный топос, образ усадьбы, динамика, поэтика, национальный образ мира.

The article is devoted to the analysis of the manor topos and the image of the estate in the prose by Ivan A. Bunin. The relevance of the study lies in the fact that the concept of “estate topos” is not sufficiently developed in the Chinese humanities. The article considers only a few works by Chinese researchers. The works of Russian scholars are more focused on Bunin’s poetry. Based on the theory of the estate topos, the article shows that the image of the estate in the writer’s prose becomes the most important. In the study of the dynamics of this image, three stages of its formation and functioning are distinguished. Between 1890 and 1900 the image develops, the locus of the garden is clearly indicated (the story “Tan’ka”). The period of 1900–1919 is characterized by deepening of interpretation. From the poeticization of estate life in “Antonovka Apples” the author proceeds to deep reflections on the reasons for the extinction

of noble nests in “Sukhodol”. In the period of 1920–1940 the image of the estate is built in organic correlation with the theme of the house, the lost home, the lost native nest. This period is represented by the story “Mitya’s Love”, the novel “The Life of Arseniev”, the collection of stories “Dark Alleys”. The novel “The Life of Arseniev” is a kind of culmination in the disclosure of the estate theme in Bunin’s prose. The image of the estate in the novel is associated with the nature of the hero’s memories, it changes along with the change of his emotional experiences in different periods of life from childhood to adolescence, and then to youth. In the 1920s and 1940s, the content and tonality of the estate topos were significantly corrected. The estate is interpreted as an absolute value, imprinted by memory and preserved thanks to memory in the space of culture. The image of the estate in Bunin’s work acquires semantic volume and bright originality, associated, among other things, with the historiosophical and spiritual understanding of this phenomenon in Russian culture.

Keywords: Bunin, estate topos, image of the estate, dynamics, poetics, national image of the world.

Введение

В творчестве Бунина образ усадьбы становится ключевым. Это тесно связано с его жизненным опытом. Иван Алексеевич родился в дворянской семье и вырос в усадьбе. Усадьба для писателя не только дом, но и духовная опора. Неслучайно в эмиграции он продолжает разрабатывать тему усадьбы и усадебного мира, которая ярко прозвучала еще в раннем творчестве писателя и в его шедевре «Антоновские яблоки».

Понятие усадебного топоса сегодня активно разрабатывается. Большой вклад в теорию этого вопроса внесли ученые Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН). Богданова О. А. утверждает, что в современной науке о литературе топосы — это «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики <...> и несущие устойчивые смысловые значения» [Богданова 2019: 8]. А. А. Булгакова также отмечает в своем пособии: «...топос часто рассматривают как единицу художественного пространства текста. С одной стороны, его определяют как часть пространственного континуума произведения (В. С. Баевский, Н. Э. Марцинкевич, Ф. П. Федоров, Ю. Л. Фрейдин и др.), с другой — как язык описа-

ния пространственных образов, разновидность языка искусства (Ю. М. Лотман, А. В. Петров, В. Щукин, Т. В. Зверева и др.) [Булгакова 2008: 56].

Усадьба — важная часть русской культуры и истории. В Китае проводились исследования образа усадьбы. Так, Лю Шумэй в докторской диссертации «Исследование темы усадьбы в творчестве Бунина» проанализировала бунинский образ усадьбы как литературный феномен [Liu Shumei 2018: 147]. Слово «усадьба» первоначально произошло от глагола «усаживать» — дать человеку участок земли в качестве места для обработки, посадки и строительства домов [Даль 2006: 443].

Филология всегда обращалась к константным явлениям, определяя их по-разному: как вечные образы, архетипы, устойчивые мотивы, топосы [Булгакова 2008: 4]. В исследовании усадьбы в прозе Бунина логично представить эту тему в динамике, с выделением основных этапов ее воплощения в художественном слове.

Чэнь Ся рассматривает усадебный комплекс Бунина с точки зрения культуры и обычаев [Чэнь Ся 2002], считая, что усадьба писателя постоянно меняется и можно условно выделить три этапа ее формирования. На первом этапе (1887–1909) Бунина привлекает образ идеализированной усадебной жизни. На втором этапе (1910–1920) он осмысливает проблему угасания дворянских гнезд в историософском ключе, вписывает усадебный топос в национальный образ мира. На третьем этапе (1920–1953) в произведениях Бунина звучат нотки ностальгии по жизни аристократической усадьбы и тоска по родной земле, а также создается символический образ усадьбы, который сохранен в пространстве культуры благодаря памяти. [Чэнь Ся 2002: 21].

Чэнь Ся сравнивает усадебный топос Бунина с усадебным топосом И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова. Исследовательница считает, что усадебный топос Бунина более эмоционально и ценностно окрашен, осмыслен в контексте его общей художественной философии.

В настоящей статье анализируется образ усадьбы на протяжении всего творческого пути Бунина-художника. Выделяются основные этапы осмысления усадебного топоса.

Первый этап формирования образа усадьбы, 1890–1900 гг.

Первый этап датируется 1890–1900 гг., когда были созданы небольшие рассказы («Танька», «На хуторе», «В поле» и др.) [Кузнецова 2014: 23].

Впервые Бунин представил образ усадьбы в рассказе «Танька», опубликованном в 1892 г. Это были подступы к тому объемному образу усадьбы, который складывался в прозе писателя на протяжении всего его творчества. В рассказе — лишь эскизы и наброски усадьбы. Важную роль играют главные персонажи — крестьянская девочка Танька и помещик Павел Антоныч. Социальная проблематика подсвечена образом уюта, дома, усадебного мира, в который попадает Танька, ее душа согревается от участия Павла Антоныча. Особую важность обретают предметные детали: часы, играющие тихими перезвонами; звучащий маятник, гитара, подаренный голубенький пояс, сахар и чернослив, которыми потчует Таньку Павел Антоныч.

В последнем абзаце рассказа Танька видит во сне сад. Образ сада позже станет одним из основных у Бунина, раскрывающих картину усадебной жизни: «А Таньке снился сад, по которому она вчера ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опущенных, как белым мохом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые — звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок...» [Бунин 1965–1967, т. 2: 19]. «Это было похоже на то, «как будто художник задумал картину и сначала набросал несколько штрихов, оставив только несколько набросков линий, и это было похоже на первую ноту симфонии, которая вот-вот должна была прозвучать» [Liu Shumei 2012: 44].

Второй этап формирования образа усадьбы в творчестве Бунина, 1900–1920 гг.

В этот период Бунин создает «Антоновские яблоки», «Суходол» и т. д. Ли Минбинь, занимающийся изучением русской культуры, отметил: «Усадьба — это не только настоящий культурный

ландшафт, но и широко отраженный в различных культурных формах, таких как литературные произведения, живопись и архитектурное искусство» [Li Mingbin 2005: 10].

Рассказ «Антоновские яблоки» (1900) — раннее произведение Бунина, опубликованное в 1906 г., которое строится на воспоминаниях. «...Вспоминается мне ранняя погожая осень» [Бунин 1965–1967, т. 2: 179] — так начинается произведение, и читатель окунается в воспоминания автора. Описывается сцена сбора урожая в саду со множеством деталей жизни поместья: сбор яблок, охота и т. д.; добрые чувства автора по отношению к жизни в усадьбе и нежелание покидать поместье присутствуют в тексте.

В рассказе выделяются следующие фрагменты: яблоко спелое; хороший урожай; осенняя охота; упадок аристократии. Ощущения автора меняются в зависимости от смены времен года от «радости, счастья до окончательной грусти». Сад счастлив и гармоничен. Хотя он тих, но не безлюден.

Автор обращается к зрению, слуху и обонянию читателя, создавая визуальный праздник. Через описание запахов и звуков рисуется прекрасная картина процветающей и благополучной жизни: «...запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести»; «...по всему саду раздаются голоса и скрип телег [Бунин 1965–1967, т. 2: 179]. Жизнь была богатой и счастливой. В момент сбора урожая даже управляющий не мешал крестьянам и дворовым людям есть яблоки и говорил: «— Вали, ешь досыта, — делать нечего! На сливенье все мед пьют»; «Мужик, насыпающий яблоки, ест их сочным треском одно за одним, но уж такое заведение — никогда мещанин не оборвет его» [Бунин 1965–1967, т. 2: 180]. Трудно не позавидовать такому гармоничному состоянию жизни!

Сама усадьба прежде всего — средство укрепления национального духа; неперменной составляющей усадебного быта является библиотека с богатой коллекцией книг. Персонажи живут в усадьбе в единении с природой. Существует авторская установка следовать Платону и принимать знание как припоминание, в том числе припоминание своей связи с корнями, с основами национального мира [Liu Shumei 2008: 51].

В произведениях Бунина мы часто видим библиотеку в усадьбе. Коллекция книг описывается ярко и вещественно: «...Потом примешься за книги, — дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках. Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то приятной кислотаватой плесенью, старинными духами...» [Бунин 1965–1967, т. 2: 189]. Автор указывает, какие книги составили библиотеку: «...Потом от екатерининской старины перейдешь к романтическим временам, к альманахам, к сантиментально-напыщенным и длинным романам... Кукушка выскакивает из часов и насмешливо-грустно кукует над тобою в пустом доме» [Бунин 1965–1967, т. 2: 189].

Повседневная жизнь является важной частью описания усадьбы. Дом Бунина — это место, где люди могут быть защищены, а также место обитания сердец людей. Дом всегда будет крепким, а усадьба — это основа дома: «Усадьба — небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. Надворных построек — невысоких, но домовитых — множество, и все они точно слиты из темных дубовых бревен под соломенными крышами» [Бунин 1965–1967, т. 2: 184].

Во многом иной предстает усадьба в повести «Суходол», которую ряд исследователей [Жаглова 2006] считает автобиографической, а членов семьи Хрущевых — имеющими нечто общее с членами семьи Буниных. В произведениях Бунина часто слышится ностальгия по ушедшим помещикам и их домам. Суходол — это место, где пересеклись судьбы людей — Натальи, Петра, Клавдии и др., это набор ощущений (запахов, вкусов), это психологическое пространство — образ суходольской души, отмеченной печатью «сосредоточенности на одном» [Жаглова 2006: 24].

«Любовь в Суходоле необычна была. Необычна была и ненависть» [Бунин 1994, т. 2: 133]. Пока усадьба окончательно не исчезла, суходольцы не собирались уезжать. Нет никаких сомнений в их любви к этой земле и усадьбе.

Н. В. Пращерук в своей статье «Усадебный мир в прозе И. А. Бунина: от “Суходола” к “Странстви-

ям” и “Жизни Арсеньева”» отмечает, что «судьба суходольской усадьбы вписана в целостный национальный образ мира и сопряжена с экзистенциальной проблематикой, что придает произведению философский масштаб и пророческую направленность. Не случайно образ усадебного мира выстраивается с опорой на традиционные природные мотивы тишины, грозы, сопряжен с архетипами родного/чужого, темного, глухого и другими» [Пращерук 2020: 189].

1920–1940-е годы — третий этап

В 1920–1940-е годы, будучи в эмиграции, Бунин стал изображать «усадебную культуру» конца XVIII — начала XX в. как навсегда отодвинутую в прошлое вершину русской истории [Богданова 2019: 159].

Образ усадьбы выстраивается в органичном соотношении с темой дома, утраченного дома, родного гнезда. Этот период представлен повестью «Митина любовь», романом «Жизнь Арсеньева», сборником «Темные аллеи». «Жизнь Арсеньева» является своего рода кульминацией усадебной темы в прозе Бунина.

В «Жизни Арсеньева» (1933) — главной книге писателя, соединившей постижение феномена человеческого существования с явленным в максимальной полноте и объемности русским миром, тема усадьбы обретает несколько иное звучание [Пращерук, 2020: 194]. С одной стороны, это знак России, родного, а с другой — в значительно большей степени, чем в других произведениях, автор обращается здесь к духовным аспектам существования конкретного русского человека — Алексея Арсеньева, в самом имени и судьбе которого заключена тема странствий и возвращения на родину [Пращерук 2019: 74]. В «Жизнь Арсеньева» повествование ведется от первого лица. При этом даются не только воспоминания главного героя о событиях полувековой давности, но и «воспоминания о воспоминаниях».

Время обретает объем «тройного времени»: во-первых, «повествовательного времени», то есть времени, когда главный герой начинает вспоминать прошлое; во-вторых — «времени развития сюжета»,

то есть времени, когда произошли события, о которых вспоминает герой; в-третьих, — «время возникновения прошлого», то есть времени, когда произошло прошлое, которое герой часто вспоминает во «время развития сюжета» [Liu Shumei 2012: 89].

Образ усадьбы в романе «Жизнь Арсеньева» также обладает объемом и динамикой, связанными с характером воспоминаний героя. Образная коннотация усадьбы меняется вместе с душевными переживаниями главного героя в разные периоды жизни — от детства к отрочеству, а затем к юности.

В первой книге герой вспоминает счастливое время, проведенное в усадьбе. Он прямо говорит, что родился в усадьбе: «Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе» [Бунин 1965–1967, т. 6: 7]. Теплые воспоминания детства всегда в его памяти.

Во второй главе он вспоминает детство. Даже если память очень смутная, он изо всех сил пытается вспомнить, как «скуден тихий мир», «большую, освещенную предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видимым в окно, на юг...» [Бунин 1965–1967, т. 6: 9]. Герой чувствует, что его детство было печальным. Почему он так себя чувствует? Не только потому, что он вырос, живя в безлюдном месте: «...рос я в великой глуши» [Бунин 1965–1967, т. 6: 9]. Бунин во многом опирается на общекультурный архетип младенца. Каждый младенец, приходя в этот мир, ощущает в нем свое сиротство. Маленькому Арсеньеву это чувство было присуще в большой степени.

Бунинская усадьба вписана в окружающий природный мир. Пейзажи очень разные зимой и летом, но ведущим мотивом становится мотив тишины и простора: «Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание» [Бунин 1965–1967, т. 6: 9].

В третьей главе герой описывает свою первую поездку с семьей, которую он считает «первым в жизни путешествием, самым далеким и самым необыкновенным из всех моих последующих путешествий» [Бунин 1965–1967, т. 6: 11]. Герой был очень впечатлен поездкой. Мир, который видят дети, совершенно отличается от мира взрослых.

Через его описание мы видим различные картины: «густо рос дубовый кустарник, темно-зеленый и кудрявый, и по ее противоположному склону пробирался среди кустарника “разбойник”, с топором, засунутым за пояс» [Бунин 1965–1967, т. 6: 11]; «...меня ослеплял блеск солнца, стеклов, вывесок, а надо мной на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в такой величии, в такой роскоши» [Бунин 1965–1967, т. 6: 11]. Молодой герой понимает, что помимо усадьбы, в которой он живет, есть огромный мир, во многом другой.

В четвертой главе романа главный герой начинает сосредотачиваться на своей семье, размышляет о характере и поведении своего отца: «...разглядел его, сильного, бодрого, беспечного, вспыльчивого, но необыкновенно отходчивого, великодушного, терпеть не могшего людей злых, злопамятных» [Бунин 1965–1967, т. 6: 13]. Говоря о своей матери, он не скрывал своей любви к ней, которая была искренней и глубокой: «Что до матери, то, конечно, я заметил и понял ее прежде всех. Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал ее, вероятно, тогда же, когда и себя самого...» [Бунин 1965–1967, т. 6: 14]. Постепенно герой узнает все больше и больше об усадьбе, и в начале седьмой главы выражает свою любовь к ней: «Всюду была своя прелесть!» [Бунин 1965–1967, т. 6: 19]. Даже после того, как он узнал, что семья начинает беднеть, у него все еще было чувство счастья. Он помнил приятное время обеда, изысканные блюда, зеленые растения и солнечный свет, сияющий в комнате, отбрасывающий тень. Вечером он гулял со своими братьями и смотрел на звезды в небе. В усадьбе было тихо и красиво, и счастье наполняло его сердце.

В третьей книге тема усадьбы и тема смерти сливаются воедино. Герой знает, что усадебному миру грозит разрушение, поэтому нарастают ностальгические и драматические интонации. В четвертой книге проблема сохранения традиций усадебной жизни и усадебной культуры приобретает драматический характер. В пятой книге главный

герой после перенесенных испытаний, после расставания с Ликой возвращается в родное гнездо. Не приукрашивая состояние усадьбы, подчеркивая черты угасания усадебной жизни, Бунин принимает усадьбу как «кормящий ландшафт», то родное, что всегда поможет русскому человеку преодолеть душевный и духовный кризис.

Описывая окружающую природу, автор словно помещает нас в пейзаж: «...Жаркий полдень, белые облака плывут в синем небе, дует ветер, то теплый, то совсем горячий, несущий солнечный жар и ароматы нагретых хлебов и трав, а там, в поле, за нашими старыми хлебными амбарами, — они так стары, что толстые соломенные крыши их серы и плотны на вид, как камень, а бревенчатые стены стали сизыми, — там зной, блеск, роскошь света, там, отливая тусклым серебром, без конца бегут по косогорам волны неоглядного ржаного моря. Они лоснятся, переливаются, сами радуясь своей густоте, буйности, и бегут, бегут по ним тени облаков...» [Бунин 1965–1967, т. 6: 17].

Выводы

Бунин-художник выстраивает сложный, динамический образ усадьбы. От поэтизации усадебной жизни в «Антоновских яблоках» он переходит к глубоким размышлениям о причинах угасания дворянских гнезд в «Суходоле». При этом усадебный мир «Суходола» осмысливается в национальном контексте, в философском ключе. В 1920–1940-е годы содержание и тональность усадебного топоса существенно корректируются. Образ усадьбы становится абсолютно ценным, запечатленным памятью и сохраненным благодаря памяти в пространстве культуры. Усадьба в творчестве Бунина обретает смысловую объемность и яркую оригинальность, что связано с историософским и духовным осмыслением этого феномена в русской культуре.

ИСТОЧНИКИ

Бунин 1965–1967 — Бунин И. А. *Собрание сочинений*: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965–1967.

Бунин 1994 — Бунин И. А. *Собрание сочинений*: в 6 т. М.: Сантакс, 1994.

Даль 2006 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. 4. М.: РИПОЛ-классик, 2006. 672 с.

SOURCES

Бунин 1965–1967 — Bunin I. A. *Collected works*: in 9 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. (In Russian)

Бунин 1994 — Bunin I. A. *Collected works*: in 6 vols. Moscow: Santaks Publ., 1994. (In Russian)

Даль 2006 — Dal' V. I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vols. Vol. 1. Moscow: RIPOL-klassik Publ., 2006. 672 p. (In Russian)

ЛИТЕРАТУРА

Богданова 2019 — Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология*. Дмитриева Е. Е. (ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.

Булгакова 2008 — Булгакова А. А. *Топика в литературном процессе*. Гродно.: Филол. фак. Гродненского гос. ун-та, 2008. 107 с.

Жаглова 2006 — Жаглова Т. М. *Образ русской усадьбы в поэзии XIX — начала XX века*. Оренбург. Изд-во ОГПУ, 2006. 428 с.

Кузнецова 2014 — Кузнецова М. А. И. А. Бунин — певец русской усадебной жизни. *Вестник Ульяновского государственного технического университета. Языковедение и литературоведение*. 2014, (67): 23–25.

Пращерук 2019 — Пращерук Н. В. Духовное измерение жизни человека: репутация Бунина-художника и реальность текста. *Филологический класс*. 2019, 2 (56): 73–77.

Пращерук 2020 — Пращерук Н. В. Усадебный мир в прозе И. А. Бунина: от «Суходола» к «Странствиям» и «Жизни Арсеньева». В сб.: *Русская усадьба в мировом контексте*. Богданова О. А. (ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 187–197.

Чэнь Ся 2002 — Чэнь Ся. *Усадебный комплекс И. А. Бунина*. Сучжоу.: Факультет русского языка и литературы ун-та Сучжоу, 2002. 42 с.

Li Mingbin 2005 — 俄罗斯的庄园文化. [Ли Минбинь. Культура усадьбы в России. *Форум партии и правительства*. 2005, (7): 25]. (На кит. яз.)

Liu Shumei 2008 — 布宁, 《俄罗斯庄园的歌手》:《安东诺夫卡苹果》中庄园的象征意义. [Лю Шумэй. Бунин, «Певец русской усадьбы»: Символическое значение усадьбы в «Антоновских яблоках». *Русский язык и литературоведение*. 2008, 2: 67–71]. (На кит. яз.)

Liu Shumei 2012 — 布宁创作中的庄园主图研究. [Лю Шумэй. *Исследование мотивов усадьбы в творчестве Бунина*. Дис. ... канд. филол. наук. Харбин. Хэйлунцзянский ун-т, 2012. 165 с.] (На кит. яз.)

Liu Shumei 2018 — 文化生态视野下的俄罗斯庄园文学研究综述. [Лю Шумэй. Резюме исследования русской усадебной литературы с точки зрения культурной экологии. *Журнал Университета иностранных языков Ноак*. 2018, 41 (6): 146–151]. (На кит. яз.)

REFERENCES

- Богданова 2019 — Bogdanova O. A. *Manor and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology*. Dmitrieva E. E. (ed.). Moscow: IMLI RAN Publ., 2019. 288 p. (In Russian)
- Булгакова 2008 — Bulgakova A. A. *Topeka in the literary process (allowance)*. Grodno: Filol. fak. Grodnenskogo gos. un-ta Publ., 2008. 107 p. (In Russian)
- Жаглова 2006 — Zhaplova T. M. *The Image of a Russian Manor in the Poetry of the 19th — Early 20th Centuries*. Orenburg: Orenb. gos. un-ta. Publ., 2006. 428 p. (In Russian)
- Кузнецова 2014 — Kuznetsova M. A. I. A. Bunin is a singer of Russian estate life. *Vestnik Ul'ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Iazykoznanie i literaturovedenie*. 2014, (67): 23–25. (In Russian)
- Пращерук 2019 — Prashcheruk N. V. The spiritual dimension of human life: Bunin's reputation as an artist and the reality of the text. *Filologicheskii klass*. 2019, 2 (56): 73–77. (In Russian)
- Пращерук 2020 — Prashcheruk N. V. Manor world in the prose of I. A. Bunin: From “Sukhodola” to “Wanderings” and “Arseniev's life”. In: *Russkaia usad'ba v mirovom kontekste*. Bogdanova O. A. (ed.). Moscow: IMLI RAN Publ. P. 187–197. (In Russian)
- Чэнь Ся 2002 — Chen Xia. *Estate complex I. A. Bunin*. Suchzhou. Un-t Suchzhou, 2002. 42 p. (In Russian)
- Ли Минбин 2005 — Li Mingbin. Estate culture in Russia. *Forum partii i pravitel'stva*. 2005, (7): 25. (In Chinese)
- Ли Шумей 2008 — Liu Shumei. Bunin, “Singer of the Russian Manor”: The symbolism of the manor in “Apples of Antonovka”. *Russkii iazyk i literaturovedenie*. 2008, 2: 67–71. (In Chinese)
- Ли Шумей 2012 — Liu Shumei. *Research on the main picture of the manor in Bunin's creation*. Doctor's thesis. Harbin: Heilongjiang university, 2012. 165 p. (In Chinese)
- Ли Шумей 2018 — Liu Shumei. A review of Russian manor literature research from the perspective of cultural ecology. *Zhurnal Universiteta inostrannykh iazykov NOAK*. 2018, 41 (6): 146–151. (In Chinese)